М.И. Илолов,
П.Д. Шозимов

Место традиционных ценностей в системе современного мировоззрения: вызовы и перспективы

Place of traditional values in the modern world system: challenges and prospects

Аннотация: В статье раскрывается плюралистический потенциал традиционных институтов, выраженных в форме живых культурных и социальных практик, которые включают в себя конструктивные возможности для модернизации и защищают общество от религиозных и других форм радикализма.

Summary: The authors disclose the pluralistic potential for traditional institutions that express themselves at the forms of the alive cultural and social practices that include the constructive possibility for modernization and defend of the society from religious and others forms of radicalism.

Ключевые слова: рациональный инструментализм; социальный капитал; плюрализм; традиционализм; релятивизм.

Keywords: Rational; instrumentalism; social capital; pluralism; traditionalism; relativism.

Илолов Мамодшо Илолович
Душанбе,
Республика Таджикистан
Президент Академии наук
Республики Таджикистан,
академик АН РТ
majmilli@rs.tj

Ilolov Mamodsho Ilolovich
Dushanbe,
Republic of Tajikistan
President of the Academy of Science
of Republic of Tajikistan
majmilli@rs.tj

Шозимов Пулат Давронович
Душанбе,
Республика Таджикистан
Главный научный сотрудник
Института философии, права
и политологии АН РТ,
доктор философских наук
shozimov@mail.ru

Shozimov Pulat Davronovic
Dushanbe,
Republic of Tajikistan
Chief researcher of Institute of
philosophy, rights and political science
of AN of RT,
doctor of philosophical Sciences
shozimov@mail.ru

В настоящее время мы становимся свидетелями не только кризиса традиционных систем ценностей, но главным образом современных. Отказ от традиции и безоглядная ориентация на модернизацию сегодня начали давать сбои не только в системе духовного производства, но и негативно сказываться на современных социально-политических и экономических процессах.

Оказалось, что традиционные системы ценностей выражаются не только в форме закрытого традиционализма, который, безусловно, следует преодолевать, но также и в формах, которые направлены на устойчивое развитие многих социальных, религиозных, культурных и даже политических и экономических практик в современном мире. При этом многие традиционные культурные системы в форме мазаров или других священных мест, включая ментальные социальные и культурные традиционные институты, имеют огромный потенциал того, что сегодня мы обозначаем как плюралистические ценности, основывающиеся на терпимости к другим культурным, социальным или религиозным практикам. Они включают в себя многие пласты человеческих ценностей, которые выражены через синтез различных религиозных ценностных систем зороастризма, буддиз-

ма и ислама. При этом многие компоненты этих ценностей мирно сосуществуют между собой, показывая, таким образом, их тесную взаимосвязь и взаимозависимость. Границы между ними в основном проводятся по чисто узко-политическим, а точнее, по идеологическим причинам, когда одна из политических групп использует культурные различия как инструмент для достижения власти и контроля ресурсов. Именно поэтому традиция так тщательно контролируется, так как она есть то пространство, где образуются ценности, а контроль над ними обеспечивает доступ к престижу, ресурсам и власти. Критика и атака по отношению к традиционным системам ценностей со стороны отдельных групп осуществляется посредством сильного преувеличения одной части и противопоставления ей другой, что приводит к созданию искусственных границ между различными пластами культурных ценностей. За этим как всегда следует радикализация различных частей культуры и усиление процессов противопоставления их между собою. Это влечет за собой серьезный разрыв между различными живыми традиционными практиками и консервацию их. В результате этого процесса живая традиция, основывающаяся на связях и сосуществовании различных культурных, социальных и религиозных практик, превращается в форму традиционализма, который, конечно, становится уже препятствием для развития современных форм социальных и культурных моделей. В этом случае происходит забвение не просто традиций, но и их исходных источников. Разрыв с живой традицией – это разрыв с системой ценностей, на которых собственно и воздвигается здание современности. Именно попытка создать современную социальную, культурную, политическую и экономическую архитектонику в отрыве от традиции и от ее претензии на свою значимость и была предпринята современными системами мысли, которые, в свою очередь, основываются на таких концептуальных идеях, как прагматизм (неопрагматизм), и на философии постмодернизма, ориентированных на обосновании полного отрыва современного мировоззрения от какого-либо влияния традиционных и метафизических систем мысли. Можно сказать, что философия современного мировоззрения, конечно, в ее радикальной форме, стала обосновывать освобождение человека и общества не только от традиции, но и от самой классической метафизической философии.

Постмодернизм и новый прагматизм во многих случаях обосновывают полную автономность индивидуальности от всех традиционных форм мысли, онтологию различия, особо выпукло выраженную в философии Ж. Делёза. При этом следует отметить, что постмодернизм есть концептуальная попытка на выходе из пространства различия и рационального инструментализма обосновать и интеллектуально институциализировать это различие. Что, в принципе, является очень важным моментом, но проблема возникает тогда, когда это различие и релятивность значений в пространстве рационального инструментализма возводится в абсолют или идеологию и полностью отрывается от ее традиционных истоков. Это приводит данную систему мысли к ситуации, когда, постулируя открытость и плюрализм, она сама закрывается от своей традиции, что приводит в действие механизм внутрисистемного саморазрушения, который возникает тогда, когда система закрывается.

Нет сомнения, что мы живем в информационной, постиндустриальной эре, и, казалось бы, что мы давно уже оторвались от традиционной парадигмы мышления и ценностных установок, но именно эта попытка с нашей стороны разорвать связь с традицией и создает болезненные постоянные социальные рецидивы в обществе, которые ведут к серьезным разрывам между прошлым, настоящим и будущим. Традиция отражает не только институциональную форму, выраженную будь-то в физической или ментальной форме, но и отражает параметр нашего человеческого сознания, который функционирует в пространстве прошлого, настоящего и

будущего. Мы не можем просто исключить прошлое из нашего сознания, так как попытка забыть прошлое – есть попытка уйти от настоящего, которое включает в себя обязательно параметр прошлого времени. С точки зрения З.Фрейда, это вытеснение отдельных современных событий в область бессознательного может привести к серьезным неврологическим последствиям в будущем, в нашем контексте это может выражаться в форме социальных и коллективных неврозах и протестах.

При рассмотрении взаимоотношений традиции и современности важно выйти за пределы этих понятий, которые, к сожалению, сегодня включают в себя уже заданные схемы и ярлыки, которые в какой-то мере предопределяют дальнейший дискурс, направляя его по уже заданной системе описания этих взаимоотношений, где традиция воспринимается как нечто прошлое и задерживающее развитие современного общества. К сожалению, это привело к серьезному давлению не только на культурные и социальные практики, но и к поощрению подавления этих практик, даже посредством радикальных салафистских процедур по очищению исламской религиозной практики от всякого традиционного институционального наложения на религию, взятого как в своей институциональной (физической) форме присутствия, так и ментального. Таким образом, традиционные системы ценности и институты вытесняются не только из современного общественного пространства, но и религиозного.

Многие суфийские мазары сегодня подвергаются не только концептуальной, мировоззренческой атаке, но и даже физической со стороны тех, кто пытается сохранить чистоту ислама. Суфии, которые являются медиаторами связи между чисто религиозной и культурной практикой и которые создали условия для их воссоединения на базе сосуществующих ценностных нормативов, стали объектами для критики и атаки со стороны салафистских и ваххабитских идеологем, пытающихся отделить религиозную практику от культурной. Развитие данной тенденции в Центральной Азии может привести к катастрофе, так как исламская религиозная идентичность проникала в регион через синтез религиозной и местных культурных практик.

Дальнейшее ограничение традиционных культурных ценностей может привести общество не столько к модернизации, сколько к серьезному сужению плюралистического пространства, что может сильно повлиять на снижение стабилизирующего потенциала в регионе, так как именно плюралистический характер традиционных и социальных практик Центральной Азии дает возможность как для стабилизации, так и для развития модернизационных процессов.

Модернизация обнаруживает себя главным образом в пространстве различия и развития сети релятивного этического регулирования, основывающегося на экономике и философии здравого смысла. Возникает вопрос, каким образом традиция может эффективно воздействовать на модернизационные процессы, если учесть, что они функционируют в разных измерениях? Да, действительно, традиция в большей мере функционирует в пространстве прошлого или примордиального пространства, тогда как модернизация – в настоящем и рационально-инструментальном поле, однако, как нами уже было рассмотрено выше, традиция включает в себя много плюралистических пластов и поддерживает свое существование посредством введения механизма активации сосуществования этих практик. Правда традиция в отличие от современности в большей мере имеет бессознательный характер, однако живая традиция является матрицей сосуществующих социальных и культурных практик, которые в себе несут огромный плюралистический потенциал.

В условиях современности этот традиционный потенциал должен артикулироваться на языке современной культуры. Конечно, если абсолютизировать традиционный и современный институты, то мы получим традиционализм против либерализма (или

индивидуализма), но если перевести их в более умеренное взаимоотношение, то мы увидим соотношение уже живой традиции и либеральных ценностей. Именно в этом сосуществующем ключе возможны серьезные прорывы в развитии не только человеческого потенциала, но и в развитии гражданского общества, экономики, включая сами политические институты.

Классические или нормальные живые традиции включают в себя сосуществующие ценности, которые не входят в противоречие, когда они выходят на уровень современности, гражданских институтов, которые также построены на принципах различия и плюрализма. Разница между традиционными и современными институтами заключается в том, что если для первых плюрализм является неотрефлектированной и во многих случаях бессознательной формой, которой просто следует люди, так как она даже на уровне общины и традиционных социальных институтов достаточно органично включает в себя сосуществующие практики, то для современных институтов плюрализм и различие являются отрефлектированной формой взаимоотношения людей, выстроенных и образованных на уровнях столкновения различных интересов людей и образования на их основе общих позиций, которые во многом случае носят зачастую временный характер. Если в первом случае доминируют долг и обязанности, то во втором случае – права индивидуальностей. Безусловно, современное общество, выраженное в форме гражданских институтов, основано на уважении к различиям многообразных социальных, культурных и религиозных практик. В этом плане правильная координация взаимоотношений между традицией (но не традиционализма) и современности или либеральными ценностями (но не либерализма) создает основу для устойчивого экономического процветания государства.

Ф. Фукуяма в этой связи верно замечает, что во многом экономическое процветание зависит от уровня социального капитала, который, как мы понимаем, заложен в традиционной системе культурного воспроизводства и который создает условие для доверия как социального капитала, так и для развития экономических институтов современного общества. Для китайцев – это конфуцианство, и поэтому их бизнес носит в большей мере семейный характер, так как доверие в конфуцианстве заложено в системе семейных ценностей. Для японцев – это синтоизм, где доверие к легитимности института или личности выходит за пределы их лояльности к семье, и поэтому обладает серьезным символическим и культурным капиталом. Именно поэтому, по словам Фукуямы, японцы большую часть времени проводят на работе.

В этом контексте для национального государства действительно важно определить, в чем же состоит социальный капитал для его собственной страны? Поэтому сохранение актуальности этого вопроса дает нам основание утверждать, что традиция не умерла и что она не является лишь пережитком прошлого, но есть тот социальный и культурный капитал, который при умелом использовании в современном контексте может создать большие возможности для будущего развития общества и государства не только в политическом, но и в экономическом пространстве. При этом духовность и воспроизведение исторических культурных традиционных ценностей и описание этих ценностей на языке современной социальной, религиозной и культурной практик являются немаловажной задачей для нашего общества, так как будущее не может быть без современности, как и современность без прошлого, но главное заключается также и в том, что прошлое и будущее зачастую определяются в настоящем. А настоящее не может сохранить свою полноту и истинность, если оно не способно аккумулировать в себе и синтезировать традиционные и современные социальные и культурные практики.